

Глеб Иванович Успенский

Как рукой сняло!

Очерки переходного времени

Глеб Успенский
Как рукой сняло!

«Public Domain»

1891

Успенский Г. И.

Как рукой сняло! / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1891 — (Очерки переходного времени)

«...В очерке «Как рукой сняло!» ставится очень волновавшая Успенского тема общественной самодеятельности. Правительство Александра III уничтожало любые проявления этой самостоятельности системой полицейско-бюрократических мероприятий, введением новых должностей чиновников, земских начальников, которым были подчинены крестьянские самоуправления и т. д. На примере отношения жителей Тюмени к переселенцам Успенский подчеркивает, что мероприятия правительства оказывали разлагающее влияние, успокаивали «общественную совесть» и усиливали разрыв между мужиком и баринном...»

Содержание

1	5
2	7
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

Как рукой сняло!¹

(Из текущей жизни)

1

В первые годы переселенческого движения, когда оно не могло еще быть предметом внимания правительства, как это мы видим теперь, затруднения, испытываемые переселенцами, были поистине неисчислимы. Люди наживы первыми воспользовались этими толпами ищущих счастья в чужой стороне людей, чтобы взять с них все те рубли и копейки, которые составляли все их достояние.

Один из пароходчиков, приняв на пароход огромнейшую партию переселенцев, едва вмещавшуюся на пароходе, обязал их, кроме того, брать съестные припасы непременно у него же, на пароходе; с этою целью он не позволял переселенцам покупать на пристанях, и если были дрова на пароходе, то шел мимо пристаней; если же надобно было остановиться и нельзя было удержать народ от дешевой покупки продуктов, тогда он наверстывал свои убытки тем, что шел медленным ходом, так, чтобы дешево купленной провизии все-таки нехватило переселенцам до следующей пристани и чтобы опять-таки они вынуждены были брать продукты у него же, по самым высоким ценам. Теснота, нечистота, продолжительные голодовки, все это развило между переселенцами всевозможного рода болезни. Пароход, пристав, наконец, к г. Т<омску>, привез больше десятка трупов мужиков, баб и детей и целые сотни нищих, проевших в дороге все свое достояние и распродавших уже на пристанях все свои пожитки.

Общество г. Т<омска>, конечно, не могло и подозревать, что на его, так сказать, шею идет огромнейшая, совершенно чуждая ему забота. У общества и без того было много своих домашних дел. Семья, «хлеб», служба, а то и романчик, и винт, и кутеж, и клуб, и сплетня, и «скандал». Канцелярская маята, как дело механическое, мастеровщинское, не особенно осложняла интересы личной жизни. Скука, как известно, даже весьма приметная черта в общем «времяпрепровождении» губернского общества. Так вот, в такую-то среду людей, скучно маячивших жизнь изо дня в день, незаметно вторглось большое, совершенно незнакомое ему дело. Когда пронесся слух, что на берегу реки происходит между прибывшими переселенцами что-то недоброе, в обществе возбуждено было только любопытство. Явилась возможность поехать «посмотреть», хоть бы только для того, чтобы прокатиться. Огромное большинство зрителей, несмотря на ужасы, которые были перед его глазами, так и не додумалось бы до какого-нибудь дела в пользу несчастных, если бы в числе глазееющей толпы не было, по обыкновению, частицы того меньшинства с чутким сердцем, которое тотчас же, не задумываясь, откликается на чужое горе. Звякнул пятак в чей-то рванный картуз, и одно то уже, что пятак звякнул о другой пятак, который, очевидно, был положен в шапку тихо и незаметно, дало зрителям возможность понять, что кто-то хочет помочь бедным, и у каждого явилась потребность вспомнить и о собственном кошельке. Быстро стали звякать не только пятаки, а уже и двугривенные, а еще немного спустя зашуршали в шапках и бумажки. Порыв – помочь несчастным – не кончился этими случайными пожертвованиями, но с каждым часом выяснялся обществу, как прямая его обязанность.

В широких размерах начались сборы пожертвований; жертвовали все и всем, кто что мог, – деньгами, вещами, продуктами; учитель, музыкант, булочник, сапожник, словом, всякий обыватель, которого забирала за живое необходимость помощи несчастным, считал, что ему нельзя не присоединиться к общему делу, и отдавал ему все что мог; сапожник жертво-

вал сапоги, булочник вез в комитет целый воз всякого рода своих продуктов, учитель устраивал публичные лекции, музыкант и певец устраивали концерты, литературные и музыкальные вечера. Даже праздные дамы, и те устраивали вечера танцевальные не иначе, как в тех же целях – помощи несчастным переселенцам. Звук пятака о пятак скоро преобразовался в переселенческий комитет, со множеством членов жертвователей и деятелей, и вся эта масса людей, захваченная случайным, неожиданным делом, затронувшим в ней долго не тревожимою жизнью потребность любви к ближнему, стала проявлять себя все в большем и большем обременении собственных своих плеч, все большим и большим количеством забот и «прочих дел», вытекавших из скромного вначале желания – помочь чем-нибудь переселенцу.

Мало того, что все трупы были похоронены, а больные помещены в больницы, были одеты раздетые, накормлены голодные, но для приюта и пристанища бесприютных людей были с поразительной быстротой выстроены обширные бараки, Измаивающая суeta суeta обыденной городской жизни для огромного количества обывателей потерялась, пропала, исчезла в их сознании, а постороннее, чуждое личным интересам дело стало для многих и многих именно *«предметом личной заботы»*. Дело разрасталось, но всякий искренний деятель не мог не видеть, что делается «мало», ничтожно сравнительно с тем, что надо бы делать, что переселенческое дело огромно, что оно дело государственное, и что, вследствие этого, необходима капитальная помощь из Петербурга, необходима основательная постановка дела. Искренние печальники вопияли об этом во всех тех местах, откуда могут дойти до Петербурга вести о трудном и важном деле переселения и о беспомощном положении переселенцев. Не дремала в изображении горькой действительности переселенческого дела как местная, сибирская, так и великороссийская, столичная пресса. И из всех этих усилий и содействий, наконец, вышло и дело.

«Приехал новый чиновник!»

2

Весть эта, как благодатный дождь, оросила и освежила все сердца, истинно истомившиеся в трудной работе организации помощи переселенцам. Все искренние работники и старатели о «несчастненьких» были глубоко рады, что, наконец, дело это признано «серьезным», важным, и что теперь оно будет поставлено так, как должно. Искренняя радость искренних деятелей распространилась и на всех сотрудников и сотоварищей их. Все вздохнули свободно, радуясь, что «теперь все пойдет хорошо».

Марья Изановна, которая еще вчера не знала минуты покоя и не давала покоя никому из своих знакомых и даже незнакомых городских обывателей, неумолимо теребя их и выматывая из них пожертвования для переселенцев, услышав о приезде нового чиновника и искренно этому обрадовавшись, нашла, наконец, возможным удовлетворить давнишние просьбы своей приятельницы, пойти вместе на бульвар и послушать музыку. Приезд чиновника, снявший с ее совести (*изъявиший из ведения*) скорбь о том, что она хоть и бьется для переселенцев, но все-таки этого мало, дал ей возможность с истинным удовольствием провести этот вечер. Уж и нахотелись же они с приятельницей и с другими знакомыми! Да и музыка была просто прелесть!

На другой день они тоже пошли на музыку: теперь *там* есть!..

И Семен Петрович тоже был истинно рад, что дело стало на «твердую почву». Облегчение нравственной тяготы дало ему возможность вспомнить, что он давным-давно уже не играл в винт, который он так любит.

– Слава богу! – говорил он, торопливо одеваясь, – теперь дело стало твердо! – И затем стремительно умчался в клуб, жадно отдался любимой игре и чувствовал, что давно, давно он так хорошо не проводил время.

Даже Марья Кирилловна обрадовалась приезду чиновника. Все время ее муж решительно не давал ей возможности разыграть с ним «хорошую», обстоятельную сцену ревности, этак часов до пяти утра. Целые дни он суетился и бегал по переселенческим делам, да и она, Марья Кирилловна, также должна была бегать, во-первых, для того, чтобы подкарауливать мужа, а во-вторых, потому, что ведь все порядочные дамы также бегают. Но приехал чиновник, и Марья Кирилловна вздохнула от истинного удовольствия.

«Ну, теперь слава богу! – подумала она, – кончилось!»

Да и было на чем расправить свой «темперамент». Муж также с радостью, что дело стало «на твердую почву», всю ночь не был дома, всю ночь кутил с приятелями и даже в семь часов утра был у Захарьиных и пил с женой Захарьина чай. Пил чай *с ней!*.. Этого было довольно!

– Слава богу! Приехал новый чиновник!

Таким образом, «умирание» чувства долга к ближнему началось в обществе с момента радостного сознания, что дело это приняло *хороший оборот*. Все были этим довольны, но сознание того, что это уже «не мое», а чье-то чужое дело, дело, которое куда-то «отошло от меня», понемногу стало устранять из жизни каждого деятеля потребность личного соприкосновения с этим делом.

«Со ступеньки на ступеньку», «помалу, по полсаженки», забота о чужом горе понемножку стала забываться обществом, стала выходить из обихода его личной жизни. Толпа рваных, голодных переселенцев, таких же самых, которые до приезда чиновника возбуждали сострадание и обязанность помочь, теперь заставляла только радоваться, что есть уже по этому делу новый чиновник, и тщательно указать к нему дорогу.

– Батюшки! Отцы наши! Помогите сиротам! – как и прежде, слышалось под окнами. Но теперь обыватель не считал себя обязанным расспросить переселенца о том, откуда он, куда идет, какие у него средства, – как это он считал необходимым для себя сделать два месяца тому

назад; теперь он (но все-таки еще с искренним сочувствием к несчастному) лишь подробно объясняет ему только одно, – как найти нового чиновника.

– Иди, друг любезный, прямо вот по этой улице... Видишь церковь? Желтая? Так пройди ты церковь и поверни направо и потом опять поверни налево, ну, а там спросишь! *Он тебе все сделает!*

А еще миновало несколько недель и месяцев, и стали слышаться уже и такие разговоры:

– Батюшки, отцы наши! Помогите!..

– Переселенцы?

– Переселенцы, отцы наши, родимые!

– Идите к чиновнику! К чиновнику идите!

– Да где ж он, батюшка, этот чиновник-то будет?

– Спроси у городского!

В конце концов одно из тех «*прочих дел*», которое было «изъято» из мирского ведения и сделалось *заботой* не общества, а специально назначенного лица, «как рукой сняло» с общественной совести и, конечно, умалило размеры общественной деятельности.

3

Сказать, что это могло произойти вообще от нашего равнодушия к общественным делам, нельзя. Нет, вот хоть бы в гор. Томске, где все переселенческое дело теперь лежит на *одном* лице, и где общество ни в чем ему не содействует (да и не может содействовать, так как *чиновник* не может принимать пожертвований), существует «Общество попечения о начальном образовании в г. Томске». Дела этого Общества всецело, всею тяжестью лежат на общественных плечах, не вверены никакому специально назначенному лицу, не изъяты из *всех прочих забот* томских граждан, и что же? деятельность членов этого Общества как нельзя лучше доказывает, что об апатии общественной не может быть и речи. Деятельность этого Общества изображена в отчете в таких подразделениях: I) *Теплое платье и плата за право учения.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.